

An artistic illustration of an elderly man with white hair, seen from behind, standing on a rocky outcrop. He is wearing a long, dark green or brown coat and looking out over a vast, mountainous landscape. The scene is set during a golden hour sunset or sunrise, with a bright sun low on the horizon, casting a warm, orange glow across the sky and the mountains. The sky is filled with soft, golden clouds and several small birds are seen in flight. The mountains in the background are rugged and partially covered in snow, with dense evergreen forests in the valleys. In the foreground, there are some trees with autumn-colored leaves (red and orange) on the left and some evergreens on the right. The overall mood is contemplative and serene.

Александр Булгаков

Неспетая песня

Александр Булгаков

Неспетая песня

<https://litres.ru/74322619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждое время нуждается в понимании на новом уровне тех духовных проблем, которые таковыми не были в поколениях отцов. Но «детям» уже многое кажется архаичным, порой – сомнительным, и они правы в своём неприятии.

Предлагаемые размышления, изложенные в жанре романа, – это результат многолетних исследований весьма уже пожилого человека на библейские темы. Можно ли, не боясь табу, иначе понимать те или другие сюжеты без повреждения основных смыслов? Автор устами главного персонажа считает: можно и нужно. Здесь нет категорических императивов – это всего лишь личный опыт.

Этот роман «страдает» рядом недостатков: отсутствием острых сюжетов, стремления к эпатажности; нет в нём и конфликтности между персонажами. Он рассчитан на спокойное, вдумчивое прочтение, потому что в нём затрагиваются вопросы, на которые отвечать непросто. Поэтому он – не для любого читателя.

Роман «Неспетая песня» адресован преимущественно для нынешнего поколения.

Содержание

Глава	4
Глава первая	5
Глава вторая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Булгаков

Неспетая песня

Глава

А Л Е К С А Н Д Р Б У Л Г А К О В

**«Легко, необычно и весело
Кружит над скрещеньем дорог
Та самая главная песенка,
Которую спеть я не смог»
Булат Окуджава**

Посвящаю Матвею, внуку

Глава первая

В палату Лаврентия Ивановича доставили уже к вечеру, прикатали на коляске. Измученный за весь день, он рад был лечь хоть на какую-нибудь лежанку, — так что кровать, хоть и была похожа более на гамак, сгодилась и такая. Сразу поставили капельницу, и снова тянуче-медленно стали «прокручиваться» эти три дня.

Началось с небольшого подкашливания. Ну, попил какой-то сироп, порекомендованный в аптеке; не помогло. Затем — таблетки, результат тот же, а кашель усиливался. Причём, температура была повышена вовсе не угрожающе, так — 37,5. Хуже всего было то, что только приляжешь, и кашель просто уже забивал. В третью ночь лежать было невозможно; пришлось положить на стол подушку и, склонив голову на неё, сидя на стуле, пытаться хоть сколько-нибудь забыться в полудрёме. Этот трюк помогал ненадолго, и наутро, весь измождённый, он решил идти в поликлинику. Не шёл, а шмыгал, а дошмыгамши, ещё надо было подниматься на третий этаж. Видимо, дела выглядели плохо, раз молоденькая медсестра на лестничном пролёте предложила свою помощь. У кабинета «врача общей практики» очередь больных, записанных по времени. Понимая, что им тоже нелегко, прислонился к стене напротив двери в кабинет, не зная, что делать. Сил становилось всё меньше, кашель забивал, и

уж было желание сползти на пол, но вышла Инна Фёдоровна, врач, на приёме у которой бывать приходилось. Она была всегда неизменно спокойна, внимательна, — и это заведомо внушало надежду на квалифицированную помощь. Почему она обратила на него внимание, трудно сказать (может потому, что и он, по своей всегдашней привычке не оставаться неблагодарным, после приёма спускался вниз и у самой поликлиники покупал для неё цветы?), — но во всяком случае она сразу ввела его в кабинет. После маловразумительных слов пациента о том, «что беспокоит», стала выслушивать лёгкие и сразу же сказала, что домой его не отпустит в виду подозрения на острый бронхит и вызовет «скорую» прямо сюда. Ну как это — «прямо сюда»? Надо хоть что-то необходимое собрать: смену белья, кружку-ложку и прочее. И снова чуткость Инны Фёдоровны: ладно, идите домой, собирайтесь, а «скорую» вызову по месту проживания.

Сына не беспокоил (ни к чему), и вот он, Лаврентий Иванович, в приёмном отделении больницы на окраине города. Какая «дежурная», туда и везут. Давно уже, лет восемнадцать назад, он проводывал здесь одного незнакомого больного, по просьбе «хеседа» — благотворительной организации при синагоге. Иным этого не понять, но делать добро — всё равно это добро, даже если ты и не еврей. Как был удивлён и обрадован Залан... — вот уж отчество и не припомнишь — Моисеевич, кажется. Потом приятельские отношения продолжились, пока он не перешёл в лучший мир.

Но воспоминания быстро закончились собственными мытарствами в этой больнице. Складывалось впечатление, что поступающие сюда больные — нечто вроде досадной помехи в многотрудной работе сотрудников «приёмного». Причём, фактическое самочувствие пациента во внимание не бралось; неспешное заполнение многочисленных бумаг, хождение из кабинета в кабинет по необходимости и без оной, направление на рентген и ещё всякого чего... Так прошло часов пять, и вот уже зимний вечер, и наконец-то он в палате.

Глава вторая

Вчерашняя терапия пошла на пользу, — и утро началось с осознания, что ночью спал. Кашель время от времени будил, но всё же удавалось забыться сном. И потянулись больничные часы — с обходом лечащего врача Антона Юрьевича, с неизменной процедурой под капельницей. Что там капало, Лаврентий Иванович никак запомнить не мог, как никогда вообще не мог запоминать названия лекарств. Для помощи самому себе он вырезал лицевую обложку упаковки того или иного препарата, на обратной стороне отмечал, был ли от него прок, и складывал, чтобы при оказии хотя бы что-то вспомнить. А здесь, в «пульмонологии», знал только одно: антибиотики. Похоже, что современная российская медицина поднялась до такого уровня, что в любой клинической ситуации знает только этот препарат. Это практикуется широко и поставлено на поточную линию, даже ложиться не нужно: сидя в процедурной, больные так и получают прогоном свои капельницы — к чему вся эта блажь с лежанием на кушетках? — и никаких тебе иных процедур, вроде ингаляций, кислородных смесей и прочих физиотерапий. Смотреть телепрограмму Елены Малышевой — это одно, а в «заМКА-Дье» положение с медициной совсем другое.

Однако жизнь, как бы там ни было, продолжалась, — и на третий день Лаврентий Иванович уже мог заняться продол-

жением написания книги, для чего ему сын принёс ноутбук. Был Сочельник, 24 декабря, завтра — Рождество, и было приятно за работой слушать тихим фоном рождественскую инструментальную, перемеживающуюся с вокальным ансамблем, музыку. Но сосредоточенность была прервана, потому что сосед слева Миша что-то заёрзал и сказал:

— У нас как бы Рождество-то через две недели...

Работал он — с его слов — менеджером в небольшой фирме по продажам домашних осветительных приборов и прочей продукции, связанной с электрикой. Он чем-то безотчётно нравился, хотя несколько раздражало его неустанное тыканье в смартфон да вот это — через слово — «как бы». Этой словесной неряшливостью страдают слишком многие, и не поймут они двусмысленность этого вихляния: то ли «это» есть на самом деле, то ли «этого» как бы и нет.

Лаврентию Ивановичу уже заведомо — по интонации — был понятен вызов, и тему эту он не любил, — но больничное «братство» предполагает уступчивый тон (в замкнутом пространстве лучше сохранять миролюбивую атмосферу), так что ответил вроде бы не по существу замечания:

— Миш, понимаешь: если мне, изрядно уже пожившему на этом свете, вдруг скажут, что дату моего рождения работница ЗАГСа в те далёкие годы напутала — то ли по головотяпству, то ли мальчишки у неё были в голове в тот момент, — но для меня это не будет трагедией, поверь мне. Приятно от этого не будет, не скрою; в каких-то ситуациях, связанных с

документами, будет бумажная волокита, но по сути своей я-то сам по себе останусь тем же, кем и был до этого «открытия».

— Ну всё же... У нас как бы спокон веков праздновали 7 января...

— Миш, ты хорошо знаешь русскую литературу? Я имею в виду в данном вопросе дореволюционную литературу.

— Ну Вы, Лаврентий Иванович, даёте... Мы как бы Толстого проходили в школе, Чехова вот вспомнил ещё.

— И Лескова можно ещё вспомнить, и Куприна; даже как-то неудобно перед другими достойными авторами. Так вот, — возможно, ты не обращал на это внимание, — но у них есть вполне бытовые описания семейных радостей того времени; там упоминается предвкушение Рождественских празднеств (подарков, гуляний), и ёлку ставили именно под Рождество. Потом наступал Новый год. Ты понял, Миш, к чему я это клоню?

— Да что-то мудрёно Вы заворачиваете. Что ж наши-то, блин, как бы глупее всех что ли?

— Разве я сделал какой-то намёк на глупость «наших», как ты говоришь? Я о том, как было на самом деле в России. А какие пертурбации потом происходили после 17-го года, — имею в виду «октябрьский переворот», — это разговор отдельный, и мне, заранее скажу, не хочется разводить кисели. Скажу только, что вопрос о дате Рождества, по моему мнению, из области политических соображений. Вечное

противопоставление нашего и «ихнего». Весь христианский мир — и православный тоже, кстати — отмечает в декабре 25-го, а у нас всегда «особый путь».

— Насколько я знаю, не весь мир, а подавляющее большинство, и туда — да, входят и православные церкви...

Это подал свой голос больной с противоположной стороны, лежащий у окна. Он что-то читал, но, судя по реплике, к разговору прислушивался. Человек лет пятидесяти пяти, с заметной проседью, держащий себя как-то уверенно (но не вызывающе), представившийся при знакомстве Георгием. Миша, правда, его величал Георгием Васильевичем. Ничего, это нормально; возрасты как-то подлаживаются соответственно друг ко другу, чтобы всем было удобно. Одни спешиваются, подчёркивая своё старшинство; другие как-то нелепо его стараются принизить, приглашая этим к запанибратству. Миша в этом вопросе всегда был корректен, и в этом чувствовалось воспитание. Георгий же Васильевич всегда говорил правильно, и его вопросы не раздражали.

— Мне показалось, что Вы, Лаврентий Иванович, в какой-то мере сведущи в вопросах религиозных. Могу и ошибаться. Но всё же — о Рождестве: что у Вас с этим ассоциируется? Небесный хор, поющий для пастухов? Пришедшие из Аравии звездочёты, путеводимые странной звездой? Или, за девять месяцев до этого, неизвестная еврейская девица, удостоенная визитом архангела с дальнейшим чудесным последствием? Может, это бестактно с моей стороны зада-

вать кучу вопросов, так Вы вправе и отказать в ответе.

— Ну что Вы, Георгий Васильевич, никакой бестактности. А по поводу моей осведомлённости в этих вопросах, — вот, знаете ли, заинтересовался ими в своё время — да так, что увлёкся. Есть увлечения, которые уже всерьёз. Хотя профессионально этим не занимался, да и счастлив по этому поводу.

— Профессионально — это как? И почему счастлив?

— Я имею в виду получение богословского образования. А счастлив от того, что не привязан ни к какой теологической «школе». Вот, подумаете Вы, ещё один самородок по библеистике объявился. Но скажу Вам наперёд: мне самостоятельность мышления дороже всего. И в этом нет никакой эпатажности, — в моём возрасте это уже ни к чему.

— Вы вроде как оправдываетесь... Наоборот, это возбуждает мой интерес всё более. Так как, всё-таки, с моими вопросами?

— Вам они интересны как верующему человеку или в порядке осведомления?

— Скорее всего, где-то посередине. Верующим могу назвать себя лишь условно. Конечно, не воцерковлён, хотя в храме иной раз бываю... по необходимости.

— Это как, Георгий Васильевич?

— Так ведь умирают же люди, и среди них — родные, близкие, приятели. Вот и отпевают их в храмах, а мы — во круг хладного праха. Но что там батюшка в течение сорока минут произносит из положенного текста заунывным речни-

тативом, мне непонятно. Полагаю, что и другие понимают не больше моего, хотя крестятся, когда положено. Женщины в день похорон вообще стараются показаться истово верующими, компетентными абсолютно во всём: и как гроб нести, и в какой момент перед самым погребением кол подложить под бок усопшему.

— Что Вы такое говорите? Может быть, у Вас какие-нибудь счёты с православием? Какой кол?..

Это вставил своё слово Миша, до сих пор сидевший на кровати, по-восточному скрестив под собой ноги. Не отрываясь от своего смартфона, — как он ещё не спит с ним? — к разговору, оказывается, прислушивался.

— Никакие не счёты, Миш... А кол — так это от чертей, чтобы душа покойника могла чем отбиваться, пробираясь в рай. Не думаю, что этому учат в православии, но ведь здесь присутствует т.н. батюшка, — и его это не смущает. Но ведь ничего из этой дичи нет в погребении других вероисповеданий; а уж приходилось бывать много, к сожалению, при этих скорбных ритуалах. Но мы ушли от темы, так сказать. Извините, Лаврентий Иванович.

— Хорошо, оставим это, к Вашим вопросам не относящееся. Попробую объяснить своё понимание того, о чём Вы спрашивали. Все эти евангельские сюжеты и персонажи я воспринимаю спокойно, без каких-либо травм для своего сознания. Одновременно понимаю, что если бы всего этого не было, моя вера во Христа не пострадала бы.

— Вот как?

— Учтите, Георгий Васильевич, я отвечаю на Ваши вопросы по упрощённой схеме, если так можно сказать. В этих вопросах — да и не только в них — есть большое количество нюансов...

— В нюансах-то, часто, и содержится главная суть.

Лаврентий Иванович невольно улыбнулся: реплика оказалась к месту и — удачной.

— Да вот, пожалуй, и начнём с нюансов. Прежде всего с того, в каком статусе будем воспринимать Новый Завет. Есть ортодоксальная позиция, утверждающая, что всё, написанное там — это непосредственно слово Божье. Вследствие этой установки, всё надо воспринимать буквально. Сказано, хор ангельский на полях вифлеемских — значит, так и было.

Есть позиция либеральная (говорю светским языком); там считают, что «богодухновенность» Писания нужно понимать как некий синтез божественного и человеческого. То есть это уже боговдохновенность, где авторы новозаветных текстов вовсе не были некими автоматами, чьи перья лишь выводили буквы, без всякого участия интеллекта и воли самих пишущих.

— Вот это уже по моей части... Я правильно запомнил: боговдохновение и боговдохновенность? Говоря на нынешнем сленге, запало: я не знал о разнице в этих понятиях. Но я бестактно перебил...

— Всё в порядке, продолжаю. Не нужно быть большим

специалистом в области текстологии, чтобы увидеть конкретную личность автора евангелия или послания, с его индивидуальностью, широтой взглядов или — есть и такое — узостью. Да, — я это подчёркиваю, — они были вдохновлены Свыше на написание того или другого текста, но то же Провидение позволило им быть самими собой. К слову сказать, такой подход либералы применяют и к Ветхому Завету. И мне кажется, Вы уже догадываетесь, что я отношу себя ко второй категории. Поэтому-то я весьма спокойно отозвался на Ваши, Георгий Васильевич, вопросы, связанные с рождественскими сказаниями. Но вовсе не равнодушно, прошу заметить.

— Слушайте, Лаврентий Иванович... Надо было мне заболеть воспалением лёгких в такой степени, чтобы оказаться здесь и узнать столь непривычное для меня. Я — завкафедрой на филологическом факультете нашего университета. Библия у нас проходила как предмет мировой культуры. Студенты проявляли к ней интерес, как к культурному памятнику — без всякого религиозного пиетета. Такие явления, о которых я Вас спросил, вызывали у них, мягко говоря, скепсис, — и кто скажет, что они неправы? Были, конечно, такие, которым безразлично относительно странной звезды, путеводительствовавшей волхвов вплоть до вифлеемских яслей, — для них это результат фольклорного творчества; им лишь бы «зачёт» был. Но ведь были и другие, которые хотели понять то, что является основой христианской

цивилизации, но не могли преодолеть в себе некий барьер. Вот как-то на очередном семинаре задала мне одна студентка вопрос: «Понимаю здесь наличие фольклора, но как евангельское сказание (я читала Зенона Косидовского) могло так быстро и всеохватно овладеть умами миллионов людей тогдашнего мира, не пойму». Непонятно и мне ...

— А почему Вы об этом говорите, как о прошлом?

— Так ведь многое поменялось в наших программах. Вот и часы на изучение Библии как памятника культуры европейской цивилизации урезали так, что ничего и не осталось. Зато нашлись часы для военной подготовки, и их немало.

Затянувшаяся пауза, совсем не запланированная:

— А-а-а, ну да ...

«...Только голос мерный,

Флейты голос нервный

Да надежды злые».

Из коридора прозвучал зычный голос разносчицы еды:
«На обед!»

— Давайте, Лаврентий Иванович, продолжим наш разговор ближе к вечеру. После обеда положено отдохнуть, потом процедуры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.